

ИЗНАНКА

A person wearing a dark, hooded jacket is centered in the frame. The jacket has a bright green, ethereal glow emanating from it, particularly around the hood and shoulders. The background is dark and textured, suggesting a night sky or a misty environment. The overall mood is mysterious and intense.

Виктор Канюк
Илья Федосов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Канюк

ИЗНАНКА

*<https://litres.ru/74044691>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Обычный подсобный рабочий Фёдор Ковалёв находит на складе совхоза тело убитого директора. Полиция топчется на месте, а Федю начинает преследовать чувство, что за ним кто-то следит. Случайная встреча с загадочной незнакомкой приоткрывает завесу: директор был не тем, кем казался, и перед смертью успел кое-что передать. Федя вспоминает странный подарок — картину, которую директор вручил ему незадолго до гибели. Внутри рамы обнаруживается тайник, а в нём — древний браслет неизвестного происхождения. С этого момента Фёдор становится мишенью для сил, о существовании которых он раньше даже не подозревал. Обычный парень из совхоза оказывается в центре опасной игры, где на кону — не только его жизнь, но и границы самой реальности.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктор Канюк

ИЗНАНКА

Глава 1

Глава 1. Склад

Совхоз «КибАгро» расплзался по равнине, как старая, много раз латаная заплатка на выцветшей рубашке полей. Три десятка построек — от капитальных ангаров из рифлёного железа до покосившихся сараев, крытых рубероидом, — жались друг к другу, словно искали защиты от ветра, который здесь дул всегда. Ветер этот пах соляжкой, сухой землёй и химией — сладковато-едкий, он пропитывал одежду насквозь, и даже дома, после душа, Федя иногда чувствовал его на коже.

Сам Федя работал здесь подсобным рабочим уже восьмой месяц. В его трудовой книжке, которая пылилась в отделе кадров, значилось: «Ковалёв Фёдор Алексеевич, принят на должность подсобного рабочего второго разряда». Второй разряд означал, что он таскает то, что скажут, чинит то, что сломалось не слишком сложно, и вообще делает всё, до чего не доходят руки у механизаторов и агрономов. Платили мало, но стабильно. Федю это устраивало — ему нравилась определённость.

Утро того дня не предвещало ничего особенного. Федя приехал на рабочем автобусе в половине седьмого, отметил-ся у бригадира, получил наряд: разобрать завал из старых поддонов за машинным двором, потом помочь на току, а ближе к обеду — сходить на склад химреактивов за канистрой растворителя. Растворитель был нужен механизаторам, чтобы отмывать руки после ремонта — мыло не бра-ло мазут и солидол, а растворитель брал всё, вместе с ко-жей, но на такие мелочи здесь давно никто не обращал вни-мания. Склад химреактивов стоял на отшибе, за машинным двором и старым зернохранилищем. Длинное, приземистое здание из силикатного кирпича, с двускатной крышей, кра-шенной когда-то в рыжий, а теперь облупившейся до ржа-вых проплешин. Окон не было — только узкие щели вен-тиляции под самым потолком, забранные мелкой сеткой от птиц. Дверь — массивная, металлическая, с навесным зам-ком величиной с кулак. Замок этот вечно заедал, и каждому, кто шёл на склад, приходилось тратить пару минут, чтобы его открыть. В тот день замок оказался открыт. Просто висел на петле, продетый в ушко, но не защёлкнутый. Федя маши-нально отметил это — непорядок, кладовщик Палыч будет ругаться, — но значения не придавал. Подумаешь, забыл кто-то запереть. Может, Палыч сам внутрь заходил, отлучился на минуту и скоро вернётся. Он потянул дверь на себя. Та отозвалась знакомым, душераздирающим скрежетом — пет-ли давно просили смазки, но руки ни у кого не доходили.

Из тёмного проёма пахнуло холодом и едкой химией. Пахло аммиаком, гербицидами, ещё чем-то — кислым, спиртовым, с металлическим оттенком. Федя поморщился и шагнул внутрь. Внутри горели не все лампы — две из четырёх вечно мигали, создавая больничное, тревожное мерцание. Третья не горела вовсе. Четвёртая светила ровно, но тускло, жёлтым, нездоровым светом. Стеллажи вдоль стен, бочки и канистры с удобрениями и химикатами, трафаретные надписи: «Аммиачная селитра», «Гербицид К-17», «Концентрат для протравливания семян». Всё как всегда. Канистры с растворителем стояли в дальнем углу, за тремя большими бочками. Федя двинулся туда, привычно лавируя между ящиками и мешками с селитрой. Он почти дошёл, почти протянул руку к канистре, когда заметил, что бочки сдвинуты. Стояли они обычно ровно, в ряд — Палыч был педант и следил за порядком. А теперь — одна выдвинута вперёд, другая развёрнута, третья откатилась к стене, открывая пространство за ними. Федя заглянул туда. Просто заглянул. Просто хотел посмотреть, что там такое. То, что он увидел, не сразу сложилось в цельную картину. Мозг словно заартачился, отказываясь признавать очевидное.

Сначала Федя подумал — мешок. Или тряпьё какое-то. Или Палыч бросил спецовку. Но потом взгляд выхватил детали — одну за другой, и каждая была страшнее предыдущей. На бетонном полу, за бочками, лежал человек. Тело лежало на боку, в неестественной, вывернутой позе — так не

лежат живые, так не лежат даже крепко спящие. Одна нога была подвернута под туловище под острым углом, вторая вытянута вперёд, и носок ботинка смотрел прямо в потолок. Руки раскинуты: одна за спиной, ладонью кверху, с скрюченными, будто в последней судороге, пальцами; вторая прижимала к груди что-то — позже окажется, что это обрывок брезентовой рукавицы, грязной, пропитанной чем-то бурым. Федя перевёл взгляд выше и увидел лицо. Это был директор совхоза — Геннадий Ильич Рябов. Тот самый директор, который ещё вчера ходил по территории, распекал механизаторов и кивал Феде — сухо, по-начальственному, но без пренебрежения. Теперь он лежал на холодном бетоне, и лицо его было лицом мёртвого человека. Глаза директора были открыты. Широко, до предела, так что белки виднелись вокруг радужки — серой, выцветшей, как старая фотография. Зрачки расширены неестественно, два чёрных провала, в которых уже ничего не отражалось — ни свет лампы, ни тени, ни сам Федя, застывший над телом. В этих глазах застыл ужас — не удивление, не боль, а именно ужас, чистый, животный, тот самый, что охватывает в последнюю секунду перед концом. Рот был приоткрыт, нижняя челюсть отвисла, обнажая жёлтые от курева зубы и край языка — синюшно-бледный, распухший, словно ошпаренный. Но самое страшное было выше. На лбу директора зияла глубокая рана. Неровная, рваная, с разможжёнными краями — как будто били не один раз, и били чем-то тяжёлым, с зазубренным краем. Кость в глубине

раны белела осколками — Федя увидел это и тут же пожалел, что увидел. Кровь запеклась в редеющих волосах, пропитала воротник некогда белой, а теперь бурой от засохшей крови рубашки, растеклась по бетону лужей причудливой формы. Края лужи уже подсохли, стали тёмно-бордовыми, почти чёрными, а центр ещё влажно поблёскивал — густой, тягучий багрянец. Запах — сладковатый, металлический, с тошнотворным оттенком — перебивал даже вездесущую химическую вонь склада. На шее директора, чуть выше кадыка, шёл второй след — багрово-синяя полоса, воспалённая, с лопнувшими капиллярами. Слишком широкая для верёвки, слишком узкая для ремня. Пластиковая стяжка, догадался Федя. Или сложенный вдвое кабель. Кожа вокруг следа вздулась, пошла пузырями. Директор был бос на левую ногу. Правый ботинок — дорогой, кожаный, не совхозный — ещё держался на ноге. Левый валялся в метре от тела, между бочкой и стеной, и на его рифлёной подошве налипли кусочки светлой грязи с вкраплениями мелкого щебня — не совхозный чернозём, а что-то чужое, принесённое из другого места. Рядом с ботинком темнела лужица прозрачной жидкости. Не вода — запах у неё был резкий, спиртовой, химический. Растворитель. Точно такой же, за каким Федя сюда шёл. Кто-то разлил его здесь — то ли случайно, то ли намеренно, пытаясь перебить запах разложения. Но перебить не удалось. В углу, наполовину прикрытая брезентом, стояла лопата. Не совхозная — совхозные были другие, тяжёлые,

с деревянными черенками и широкими штыками. Эта была лёгкая, с пластиковой рукоятью и узким лезвием, испачканным в чём-то тёмном, засохшем. Садовая лопата. Городская. Чужая. Федя стоял и смотрел. Сколько времени прошло — секунда, минута, вечность — он потом не мог сказать. В ушах звенело. Перед глазами плавали тёмные пятна. Где-то на периферии сознания билась мысль: «Надо что-то делать. Бежать. Звать. Кричать». Но тело не слушалось. Ноги будто приросли к бетонному полу, руки повисли плетьюми, и только сердце колотилось где-то в горле, громкое, частое, оглушительное. А потом воздух вышел из лёгких — с хрипом, похожим на всхлип, — и наваждение спало. Федя попятился. Споткнулся о порожек, который видел сотни раз и о который ни разу в жизни не спотыкался. Ударился спиной о дверной косяк — больно, до искр из глаз. Развернулся. Побежал. Склад выпустил его из своего тёмного нутра, вытолкнул в серый день, в пыльный двор, где всё ещё ничего не знали. Дверь осталась распахнутой, и ветер тут же загудел в проёме, как в печной трубе. Федя вылетел на середину двора и закричал. Голос сорвался, дал петуха, как у подростка:— Т-там!.. Труп!.. На складе!.. Директор!.. Он не узнал собственного голоса — такой тот был тонкий, надтреснутый, почти визгливый. Первым к нему подбежал Толик, механизатор — здоровый мужик с руками, вечно чёрными от мазута. Он схватил Федю за плечи, встряхнул, заглянул в лицо:— Ты чего? Чего орёшь? Какой труп?— Директор, — повторил Федя. Зубы у

него стучали, хотя было не холодно. — Рябов. Там. На складе. Мёртвый. Толик отпустил его плечи, выпрямился и как-то сразу стал серьёзным — даже мазут на щеке перестал казаться смешным. Он посмотрел на распахнутую дверь склада, на Федю, снова на дверь. — Сиди здесь, — сказал он и почти побежал к складу. Через минуту он вышел. Лицо у него было серым, как асфальт. — Твою мать, — сказал Толик. — И правда. Двор начал наполняться людьми. Рабочие выходили из ангаров, из мастерских, с тока. Они сбивались в кучки, переговаривались вполголоса, поглядывали на склад. Гул голосов нарастал, как рой потревоженных пчёл. Кто-то сказал: «Надо вызвать полицию». Кто-то ответил: «Уже вызвали, начальник охраны побежал звонить». Кто-то охнул: «Господи, да как же это» Кто-то деловито заметил: «А Палыча-то где? Кладовщика? Его склад, его и спрашивать надо». Но Палыча не было — он взял отгул ещё позавчера и уехал в город к стоматологу. Начальник охраны, Игнат Егорыч, бывший военный с седым ёжиком и красным от давления лицом, вышел из административного корпуса и направился к складу быстрым, строевым шагом. Он ничего не спрашивал — видимо, уже знал. Он зашёл внутрь, пробыл там минуты две, вышел и, ни на кого не глядя, скомандовал:— Всем отойти от склада. Никому не заходить. Ждём полицию. И без самодеятельности мне тут. Полиция приехала через сорок минут. Два экипажа — один с синей полосой, другой без опознавательных знаков, наверное, опергруппа. Из первой машины

вышли двое в форме — сержант и лейтенант, оба молодые, с напряжёнными лицами, явно не привыкшие к таким вызовам. Из второй — трое в гражданском: мужчина лет сорока пяти, с тяжёлым взглядом и залысинами; женщина, коротко стриженная, в очках, с большим кофром в руках (эксперт, догадался Федя); и ещё один мужчина, помоложе, по-видимому, водитель и помощник. Старший — тот, что с залысинами — представился Игнату Егорычу как майор Субботин, и они вместе ушли в склад. Эксперт с кофром пошла за ними. Остальные остались снаружи — оцеплять территорию, переписывать свидетелей, составлять протоколы. Федя сидел на перевернутом ящике в десяти метрах от склада. Его уже опросили — быстро, поверхностно: кто такой, что видел, во сколько зашёл, трогал ли что-нибудь. Он отвечал односложно, чувствуя, как внутри разрастается холодный ком. Труп стоял перед глазами — закрыть их не помогало, картинка стала только ярче. Допросы затянулись до вечера. Полицейские ходили по территории, беседовали с работниками, что-то записывали, переглядывались. Субботин несколько раз вызывал к себе то одного, то другого. Федю вызвали ещё раз — он повторил то же самое. Майор смотрел на него долго, оценивающе, но вопросов задавал мало. Казалось, он и сам пока не понимал, что здесь произошло. Когда начало темнеть, полиция наконец разрешила людям разойтись. Рабочий автобус, старенький ПАЗик с продавленными сиденьями и запахом бензина в салоне, отъехал от проходной в

восемь вечера. В автобусе было непривычно тихо. Обычно ехали с шумом, обсуждали дела, травили анекдоты, спорили о футболе. Теперь все сидели молча, глядя в окна или в пол, и только Толик пару раз негромко выругался сквозь зубы. Федя вышел на своей остановке — у центральной площади городка, где уже горели фонари и жизнь казалась почти нормальной. Он постоял немного, вдыхая вечерний воздух, пахнувший бензином и пылью, и двинулся в сторону дома. До его пятиэтажки было минут пятнадцать пешком — через дворы, мимо гаражей и старой трансформаторной будки. Он прошёл метров двести, когда почувствовал это. Взгляд. Чей-то взгляд в спину — тяжёлый, липкий, как прикосновение мокрой тряпки. Федя оглянулся. Никого. Только редкие прохожие, спешащие по своим делам, да припаркованные у обочины машины с тёмными, слепыми окнами. Он ускорил шаг. Завернул во двор, прошёл мимо мусорных баков, возле которых дрались две кошки, и снова оглянулся. И снова никого. Но ощущение не проходило. Кто-то смотрел. Кто-то шёл за ним — или стоял и смотрел вслед. Может быть, из-за угла гаража. Может быть, из тёмной подворотни. Может быть, из той самой машины, которая медленно проехала мимо минутой раньше и скрылась за поворотом. К двери подъезда Федя почти бежал. Домофон пиликнул, дверь открылась, он влетел в подъезд, захлопнул дверь за собой и только на лестнице, между вторым и третьим этажом, перевёл дух. Сердце колотилось. Руки дрожали. Он прижался лбом к холод-

ной, крашенной масляной краской стене и простоял так, наверное, минуту. Квартира встретила его тишиной и запахом пыли. Федя жил один — однушка на четвёртом этаже, доставшаяся от бабушки. Он скинул ботинки, не развязывая шнурков, прошёл на кухню и включил свет. Яркий, электрический, почти больничный. Достал из холодильника початую бутылку водки, посмотрел на неё и убрал обратно. Пить не хотелось. Хотелось, чтобы отпустило — это дрожание внутри, эта картинка перед глазами, этот взгляд в спину. Он взял телефон и набрал сестру. Руслана сняла трубку после третьего гудка:— Федька, ты? Охренеть, сколько времени! Ты вообще смотрел на часы? У меня завтра смена с семи утра, а я только уснула!..— Русь, помолчи, — сказал Федя. Голос всё ещё подрагивал. Руслана замолчала. Она знала этот тон. Он появлялся у Феди только тогда, когда случилось что-то по-настоящему плохое.— Что стряслось? — спросила она уже тише, без прежнего напора. Федя рассказал. Всё. Склад, бочки, ботинок, лужа крови, открытые глаза, крик во дворе, полиция, автобус, взгляд в спину. Он говорил сбивчиво, перекакивал с одного на другое, но Руслана слушала, не перебивая. Только один раз тихо охнула, когда он описывал рану на лбу директора. Когда он закончил, в трубке повисла тишина. Потом Руслана шумно выдохнула.— Федька, — сказала она.— Федька, мать твою. Ты как там вообще? Живой?— Вроде, — сказал Федя.— Вроде — передразнила она.— Вот вечно ты, Федька, влипаешь в истории. Я тебе говорила — уволь-

няйся. Говорила? Говорила. Нет, «платят стабильно, устраивает». Теперь трупы на складе, охренеть просто! Я теперь спать нормально не смогу, дурак ты! Представляешь, что у меня в голове теперь? Мой младший брат — и труп! Рябов этот твой Господи, ФедькаФедя молчал. Руслана ругалась, а он слушал, и от её голоса — такого родного, такого знакомого, с этими вечными интонациями старшей сестры, — ему становилось чуть легче. Как будто часть страха перетекала в трубку и оставалась там, на другом конце провода, где живая и злая Руслана могла с ним справиться.— Так, — сказала она наконец. — Я сейчас возьму отгул и приеду. Завтра же. Нет, прямо сейчас вызову такси.— Не надо, — сказал Федя. — Не приезжай. Сам справлюсь.— Сам он справится — фыркнула Руслана. — Ты там один в квартире, дрожишь небось как осиновый лист. Я тебя знаю.— Нормально всё. Правда. Не приезжай. У тебя смена, ты говорила. Приедешь — уволят.— Да плевать мне на их смену!..— Русь, — сказал Федя твёрже. — Я сказал — не надо. Отсыпаться буду завтра. Всё равно выходной. А ты работай. Я позвоню, если что. Он положил трубку. В квартире снова стало тихо. Федя опустил взгляд и посмотрел на свои колени. Они дрожали. Мелкой, противной дрожью, как осиновый лист на ветру. Как кленовый — осиновый клён, такое только у него в голове могло родиться, глупое, детское сравнение, от которого почему-то стало ещё хуже. Колени ходили ходуном, и он ничего не мог с этим поделать. Он сидел на кухонной табуретке, смотрел на

свои дрожащие ноги и думал, что зря позвонил Руслане. Зря. Она теперь не уснёт. Будет ворочаться, думать, переживать. А он сидит здесь, в пустой квартире, с дрожащими коленями и картинкой мёртвого директора перед глазами. В ванной он нашёл снотворное — феназепам, старый рецепт, ещё бабушкин. Одну таблетку. Запил водой из-под крана, не чувствуя вкуса. Дошёл до кровати, рухнул на смятые простыни, даже не раздеваясь. Сон пришёл быстро — тяжёлый, мутный, без сновидений. Или с такими сновидениями, которые он не запомнил. Где-то за окном выла собака. В подъезде хлопнула дверь. Ветер гнал по асфальту сухие листья и обрывки старых газет. А на складе совхоза «КибАгро» всё ещё работали эксперты, и майор Субботин, хмурясь, разглядывал лопату с пластиковой рукоятью и думал о том, что дело будет простым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.